

1967, Август

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПОЗИТОР
Г. МОСКВА

О ТЕХ, КОГО

Странная книга. Похожая на мозаичный портрет. Да, потому что из всех пьес, сценариев, записок, вошедших в сборник «Для театра и кино», постепенно перед нами все крупнее вырисовывается образ его автора — Александра Володина. Не то чтобы он заслонил своих героев. Нет, но благодаря им становится как-то отчетливее, ярче его личность. Необычная прежде всего своим удивительно восторженным восприятием мира, искусства, театра. Это было свойственно ему в детстве. Это осталось навсегда. И это чувство он передал своим героям.

К примеру, еще мальчишкой Володин считал, что «искусство было чем-то высшим, нежели все остальное, только оно помогло жить». Такое же состояние испытывает потом его любимая героиня Надя Резаева, фанатично влюбленная в театр («Старшая сестра»). Еще в детстве он ощущал театр как «незабываемые впечатления, которые могут длиться минуту, но остаются в памяти навсегда... Театр — это трубить во все трубы души...» И вот недавно Володин подарил нам смешного трубача (кинофильм «Звонят, откройте дверь!»), и маленький человечек, по-чaplиновски добрый и согревающий окружающих, не забывается. Он заставляет невольно пристальнее вглядываться в окружающих: а вдруг и они такие, те, незаметные, не расталкивающие жизнь локтями...

В этот сборник не вошел этот сценарий, как и пьеса «Фабричная девчонка». Хотя последняя лет десять назад пользовалась шумным успехом. Оказалось, что это единственное его произведение, не совпадающее по своим художественным задачам с его нынешними творческими принципами: «Тогда я был убежден, что важно и интересно только то, что происходит с другими, хорошо бы не похожими на тебя людьми и хорошо бы где-нибудь далеко... В последующих пьесах было все больше личного, и я понял, что это не страшно, а иной раз и напротив: чем больше ты черпнешь из своей души, тем, может быть, больше заденешь другие, чем откровенней о себе — тем точнее о других...»

Своеобразие таланта Володина сказывается прежде всего в том, что он использует самые обыденные, житейски примелькавшиеся нам сюжеты. Но в его освещении они вдруг преображаются. И оказываются и романтичными, и героическими, и философски значимыми.

Герои Володина — самые будничные люди самых скромных и будничных профессий. Шофер, мастер на фабрике, техник, служащий, зубной врач, библиотекарь, продавщица... Они не совершают героических поступков. В их жизни нет трагедийного накала страстей. Они только постоянно ведут себя, как порядочные люди, а это иногда труднее минутного порыва.

Так драматург создает свой реалистичный и в то же время в чем-то условный мир. Хотя его мир — не вымысел.

Володин населяет свой мир чудаками. Своеобразными чудаками, потому что порядочные скромные люди часто кажутся чудаками жрецам житейского «здорового смысла» типа дяди Мити («Старшая сестра»).

Но чудаки Володина — не одиночки, не единицы, затерянные в джунглях цивилизации. Наоборот, исключение в его мире — хищники, карьеристы и честолюбцы. Может быть, потому, что Володин умеет остатки детского увидеть в каждом взрослом человеке. Надо только на секунду его расшевелить, помочь ему вспомнить свое прошлое, детство, боль и радости того времени. В этом смысле для Володина наиболее характерна пьеса «Назначение». Герои ее, заматанные, оглушенные тысячами забот и неприятностей, мелких по сути, но для каждого — грандиозных, потому что из них складывается их жизнь, вдруг вспоминают — когда ими кто-то заинтересовался — свое, затаенное, но очень дорогое. И после этого они уже не безликая масса неудачников, а люди, близкие и дорогие для Лямина, главного героя. Он, Лямин, точно внутренне в них перевоплощается, взваливая на свои плечи часть их огорчений, охваченный решимостью помочь, переделать, изменить условия, мешающие им жить радостно и щедро.

Этот герой чем-то неуловимо похож на автора. Не простыми совпадениями биографий, а внутренне, тем чувством ответственности, которое Володин испытывает за других, и особенно — за несложившиеся, неудавшиеся женские судьбы.

Володин — один из немногих наших современных писателей, кто воспекает современную Женщину, какие бы нехитрые и серенькие обличья она ни принимала. Ей он поет гимны и в «Пяти вечерах», и в «Идеалист-

ке», и в «Старшей сестре», и в «Назначении» — ее мужеству, жертвенности, доброте. Володин искренне уважает Женщину. И в каждом читателе он старается разбудить такое уважение.

ЛЮБИШЬ

Герои Володина всегда в поисках, всегда стараются найти смысл жизни, понять свою тоску о творчестве, увидеть подлинную красоту, осуществить наяву чудеса или, наконец, поймать, как синюю птицу, чистое вдохновение. В каждом его герое таятся залежи добра, красоты, таланта, надо только суметь снять тот мусор, которым их засыпали скучные будни. И все герои его разговаривают страстно, убежденно, горячо, захлебываясь иногда словами. Они щедры во всем — в чувствах, в отношениях, помощи, потому что щедра душа вызвавшего их к жизни писателя.

Основное зло в мире, по мнению Володина, — от непонимания друг друга, от ограниченности, от навязывания даже из самых добрых побуждений своих взглядов инакомыслия, от равнодушия к себе, от неумения бороться за свою мечту. Может быть, поэтому нестрашны в его произведениях все эти Муромовы, Куропевы, Тетерины и Котиковы. Они подлы, но это мелкая подлость, они бездушны, но это мелкое бездушие, они трусливы, но это мелкая, заячья трусость. Куда опаснее внутреннее враги, гнездящиеся в душах самых хороших и добрых людей: смирение Нади Резаевой, забитость Насти, ранимость Чеснокова, паралич воли у Ильина. Вот по сути что калечит их жизни, вот с чем надо воевать как можно жестче, решительнее, и вот против чего направлен самый пламенный гнев Володина.

Человек должен прежде всего воспитать в себе Человека сам, не ожидая чудес.

Володина часто в нашей критике называли пессимистом, писателем мелкой темы. Но как светел мир, им изображенный!

И это не случайно, к этому привело Володина глубокое, выстраданное убеждение: «жестокое, ничтожное, подлое можно описывать в той степени, в какой это обеспечено запасом доброты и любви, как бумажные деньги должны быть обеспечены золотым запасом», а потому «писать лучше о тех, кого любишь...»

Этим объясняется его мечта об искусстве, помогающем жить «ради того, чтобы люди, создающие все ценности жизни, ощущали свое единство. Ради идеалов, которые человечество пронесло через тысячелетия, через средневековье и фашизм». И поэтому, вероятно, остальные функции искусства, «включая критику пороков и недостатков общественной жизни, для меня имеют смысл только рядом с этой главной целью: помогать жить».

Володин удивительно свободно лепит форму своих произведений. Его сценарии — это часто и монопьеса и новелла одновременно. Непринужденность его манеры, удивительная пластичность и естественность интонации связана с тем, что в своих произведениях он идет от характеров, от событийного клубка, а не от заранее заданной себе самому, точно отмеренной и точно взвешенной идеи. «Я пришел к выводу, что желательнее не притягиваться к колышку идеи, вбитому вдаль, а отталкиваться от сложившегося в пьесе положения, писать лишь то, что вытекает из этого положения само собой, закономерно. Тогда есть надежда сохранить цвета и полутона жизни. Да и сама идея может в конце концов возникнуть более жизненной, неожиданной и существенной, нежели была задумана сначала».

Интересно проследить, как изменились концовки двух произведений Володина в этом сборнике. Я имею в виду сценарий «Старшая сестра» и сценарий «Происшествие, которого никто не заметил».

В одноименной пьесе «Старшая сестра» мы знали счастливый конец. К Наде Резаевой после всех терзаний пришло признание, ее талант вырвался из пут обыденности, и даже, кажется, она не останется обреченной на одиночество. В сценарии теперь концовка другая. Надя на распутье. Она пришла в театр, но с запозданием, ее талант увял. И вот последние строки:

«Сжав веки, она качает головой и повторяет все одно:
— Что же делать? Ну что делать? Ой, ну что же делать?..»

В журнальном варианте «Происшествия, которого никто не заметил» тоже все кончалось празднично. Благодарством, добротой Настя смягчила свою судьбу, заслужила счастье. Пусть маленькое, простое, пусть это

только надежда на брак с благодарным бесхитростным человеком... Теперь же в этом сборнике сменявшая свою прекрасную оболочку спящей царевны Настя возвращается в обычный мир. И ничего, буквально ничего удивительного, вознаграждающего ее чудесную душу, с ней не происходит, и Толя больше не появляется...

Володин отказался от благополучных развязок, слегка нравоучительных.

Произведения стали глубже, серьезнее, не превратившись при этом в пессимистические. У читателя просто

появилось больше возможности доисливать писательский замысел, свободнее представлять судьбы героев. А это всегда увеличивает и эмоциональный, и интеллектуальный запас впечатлений от любого произведения. Протертая, размельченная пища хороша только в диетической столовой...

Прочтя этот сборник, я вдруг новому поняла и прочувствовала творчество Володина. Он оказался значительно крупнее как художник, как мыслитель, чем я его себе представляла, бывая на различных спектаклях. Хотя пьесы Володина ставят лучшие режиссеры лучших театров страны. Может быть, они ищут самые модные или острые акценты. И пьесы поворачиваются к зрителю той стороной, которая «показалась» режиссеру. А Володин слишком многогранен для этого.

У Володина в пьесах, сценариях слишком много текста, чтобы выдумывать к нему подтекст. Текста умного, философского, касающегося самых важных общечеловеческих проблем.

И пьесы и сценарии этого мудрого, светлого писателя читаются, как прекрасная проза. Их зрительно представляешь, о его героях думаешь, споришь, его своеобразием восхищаешься.

Его произведения помогают людям понять себя и свое место в жизни. Особенно молодым — о ком прежде всего пишет А. Володин.

Л. ИСАРОВА.